В диалектологии нередко представление о социальной неполноценности диалекта переносится в плоскость его собственно языкового изучения. Логика рассуждения в этом случае такова: коль скоро диалект не является самостоятельной языковой единицей, то он не должен изучаться так, как изучается язык (например, литературный). Упускалось при этом из виду, что с собственно лингвистической точки зрения диалект как раз является ничем иным, как языком, имеющим однозначное речевое соответствие.

Из подобного отношения к диалекту вытекает весьма устойчивая традиция оценки диалекта как только лишь источника данных для истории языка.

Отношением к диалекту как к категории, не имеющей своего собственно языкового статуса, порожден и дифференциальный метод описания диалекта, когда фиксируются только те явления, которые отличают диалект от эталона, в качестве которого принимают литературный язык или традиционный слой говора. Такое описание оказывается малополезным, так как оно не дает представления о том, как устроен тот язык, который функционирует под названием «диалект» [15].

Мысли о неудовлетворительности дифференциального описания диалекта высказывались давно. Первым по этому поводу выступил Л. В. Щерба в связи с предпринятым им описанием мужаковского диалекта. В 1915 г., когда диалектные данные вообще осмысливались только в связи с историей языка и никакой другой подход не представляется возможным (подобная оценка диалектологии была освящена таким авторитетом, как А. А. Шахматов), Л. В. Щерба предпринял «всестороннее, по возможности исчерпывающее, психологическое описание точно локализованного говора. Описание это основывается исключительно на наблюдении живого произносимого языка, без привнесения каких-либо чуждых категорий, не имеющих места в психике говорящих... Пусть поэтому не переворачивается сердце слависта, когда я исторически разные явления отношу в одну рубрику и разделяю то, что он привык видеть вместе: в описательной части мне нет дела до истории; меня интересует лишь то, как чувствуют и думают говорящие» [16]. Если исключить термины, связанные с психологическими воззрениями Л. В. Щербы на язык, то получим точно сформулированную задачу синхронного описания диалекта. Аналогичные мысли встречаем у Блумфилда: грамматики местных диалектов «с точки зрения требований современной науки должны были бы представлять собою описания, подобные описанию любого языка, и включать фонологию, синтаксис и морфологию» [17].

При дифференциальном методе описания часть речевых средств, используемых в диалекте, выводится за пределы изучаемого объекта. Такого рода расчленение диалектной речи может быть необходимым при решении диахронических проблем и совершенно противопоказано при синхронном описании: синхронное моделирование частной диалектной системы должно основываться на полном реальном составе речевой деятельности коллектива, являющегося носителем исследуемого языкового идиома.

Результатом трансформации социальной оценки диалекта в структурную является иногда высказываемое положение о структурной зависимости диалекта от языка и, соответственно, о независимости языка [18]. Проявв-

---

[15] Ср. верное замечание о дифференциальном методе М. В. Панова: указанием лишь на отличия данного говора от литературного языка «разрушалась системная целостность описания (черты „общие" у говора с литературным языком, могли быть функционально совершенно различны — благодаря соотношению с другими участками системы, которые различны в говоре и в литературном языке)». *Панов М. В.* Р. И. Аванесов — фонолог.— «Русское и славянское языкознание». М., 1972, с. 14.

[16] *Щерба Л. В.* Восточнолужицкое наречие. Пг., 1915, с. XIX.

[17] *Блумфилд Л.* Указ. соч., с. 355.

[18] См., например, *Баранникова Л. И.* Русские народные говоры в советский период. Саратов, 1967, с. 52.